

Олег Михайлов

Клятвенные девы

Действующие лица

ДЯДЯ КЕКИ — 65 лет.

ТЕУТА — 60 лет.

ЭДОНА — 40 лет.

ЛИРИ — 25 лет.

РОЗАФА — 17 лет.

СТАРУХА — больше 80 лет.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Действие происходит в наши дни на окраине Тираны — столицы Албании.

Это не та — открыточная — Тирана с панорамой снежных шапок в горах, которую можно увидеть в ясный мартовский день с высоты Sky Tower. И даже не та Тирана, куда редко ступает нога туриста, с непроходимой грязью петляющих улочек и удивительной для глаза европейцев убогостью жилищ.

Это другая Тирана, существующая исключительно в фантазии автора пьесы. Хотя некоторые особенности быта и обычаев албанцев (сами они называют свою страну Шкиперией) все-таки реальны. Тем не менее, действие в пьесе происходит в вымышленной Тиране, где в большом и старом одноэтажном доме на безымянной улице (в реальной албанской столице с указателями тоже не заморачиваются) живет дядя Кеки Ракипи и его семья. К дому примыкают магазинчик (единственный источник достатка семьи) и запущенный сад, спускающийся к речке Лана, больше похожей на грязную канаву.

Сегодня — 14 марта, в День прихода лета — в доме дяди Кеки играют свадьбу. Впрочем, на саму свадьбу мы с вами немного опоздали: уже поздний вечер и гости почти разошлись. Их голоса еще слышны из сада, где были накрыты столы, а здесь — в глубине дома — тихо и сумрачно. Скоро вы поймете, что в доме дяди Кеки тихо и сумрачно всегда, в любое время года, но это будет потом. А сейчас давайте знакомиться с героями пьесы.

Вот перед нами сам дядя Кеки. Он кажется очень старым, почти древним, хотя не так давно ему исполнилось всего шестьдесят пять лет. По случаю свадьбы на дяде Кеки шаровары, расшитая рубаха и жилет. На голове у Кеки шляпа, которую он почти никогда не снимает. Кеки сидит в кресле, подтянув штанины и опустив ноги в таз, куда из кувшина наливает воду пожилая женщина. Это Теута, младшая сестра дяди Кеки. Отставив кувшин, она моет ему ноги. Это нормально, это в традициях Албании, когда женщины моют ноги главе семьи — отцу, мужу или старшему брату. Когда Теута закончит мыть своему брату ноги, она вытрет их большим ветхим полотенцем, и дядя Кеки сможет, наконец, переобуться в мягкие домашние туфли с загнутыми носами. А праздничные сапоги, в которых он промучился в течение долгих часов этого праздничного дня, будут спрятаны в сундук до нового торжественного случая. Только случай этот никогда уже не наступит. Это последний год жизни дяди Кеки. Свою жизнь он закончит в тюрьме, не успев дожить до зимних холодов. Только дядя Кеки об этом, разумеется, не знает. Если говорить совсем уж начистоту, то дядя Кеки никакой не «дядя». В том

смысле, что он тоже женщина, как и все остальные герои пьесы. И играть эту роль тоже должна женщина.

Таких как Кеки в Албании называют «бурнешами». Кто такие «бурнешаи» мы с вами обязательно узнаем. А сейчас давайте послушаем, о чем говорят Кеки и Теута.

ТЕУТА. Устал?

КЕКИ. Сама-то как думаешь? Сапоги эти проклятые... Убери их, даже глядеть на них больно.

ТЕУТА. А я тебе говорила, бери на размер больше.

КЕКИ. Что ты мне говорила? Когда? Сама же потащила меня в лавку Али, пойдем да пойдем, как будто христиан во всей Тиране не сыскать и сапог они делать не умеют.

Приспичило тебе жопой повертеть. А он и рад.

ТЕУТА. Да не было такого.

КЕКИ. Было. Не перечь! Я точно помню. «Ах, уж он такой мастер, такой мастер!», — жужжала ты. Все уши мне прожужжала своим Али. А он мастер, да. Салить глаза на ваши жопы он мастер.

ТЕУТА. Опомнись, Кеки, что ты говоришь! Сапожник Али уже восемь лет как в могиле.

КЕКИ. Он-то, может, и в могиле, упокой господи его душу. А сапоги его мстят мне до сих пор. Двадцать лет с ними мучаюсь. Спрячь их, убери с глаз моих.

Теута с трудом встает на ноги, берет сапоги, идет к одному из сундуков. Останавливается.

ТЕУТА. Ключ мне дай.

КЕКИ. Ключ. Ключ ей. Палкой по спине тебе за эти сапоги, а не ключ. Оставь, сам потом убери.

Теута кладет сапоги на сундук.

КЕКИ. Плесни еще ракии.

Теута молчит, не двигается с места.

КЕКИ. Оглохла? Может, мне палку взять? Сейчас точно возьму палку, Теута! Не посмотрю, что ты сестра мне! *(Тянется к трости, висящей на спинке кресла.)*

Теута идет к столику, на котором стоит поднос с бутылкой ракии и одним единственным стаканом. Наливает. Подает Кеки.

КЕКИ *(выпив)*. Еще.

ТЕУТА. Может, хватит? Голова болеть будет.

КЕКИ. Поговори тут. Что ты знаешь о моей голове?

Теута наливает ему еще, подает. Молча смотрит, как он пьет ракию.

КЕКИ *(возвращая ей стакан.)* Вот теперь — хватит. Можешь и себе налить. Потом.

ТЕУТА. Я так мечтала об этой свадьбе.

КЕКИ. Заплачь еще, дура. Мало мне, что Эдона с утра до ночи слезы льет, будто я нашего Сали на бойню отправляю.

ТЕУТА. Сына женит – имеет право.

КЕКИ. Нету у вас прав в этом доме. Всё никак не запомните, да?

ТЕУТА. Не злись, Кеки, праздник-то какой! И ты был такой красивый на месте жениха.

КЕКИ. Не болтай. Вот не болтай, не жужжи, столько раз тебе говорить. И без того стыдно людям в глаза смотреть: жениха родне предъявить не могли, заочно поженили, по доверенности.

ТЕУТА. Так ведь на свадебном пиру жениху не место. Или они обычаев не знают?

КЕКИ. Да при чем тут застолье? Мы его вообще им не показали. Вообще! Чувствуешь разницу?!

Молчание.

КЕКИ. Ты всё ему объяснила?

ТЕУТА. Как смогла. Сказала: когда делаешь ребенка, стисни зубы, и получится мальчик. Так мой Далмат говорил.

КЕКИ. Да никому не интересно, что говорил твой муж. Главное, чтобы наш малыш Сали понял, что от него требуется.

ТЕУТА. Ну, не такой уж он и малыш. С журналами-то похабными разобрался. Захожу к нему, а он странички оттуда повыдирал да по стенкам развесил. Я и не поняла сперва, чем он их приклеил. А он достал свою штуку и показывает мне...

КЕКИ. Слышать не хочу! Мерзость. Пусть Эдона её приготовит.

ТЕУТА. Сегодня?

КЕКИ. А когда? Через год?

ТЕУТА. Я своему Далмату три дня и три ночи отказывала. Такая традиция. От злых духов.

КЕКИ. И что? Помогло тебе? В зеркало глянь, сама как злой дух. И пахнешь так же.

ТЕУТА. Ох, Кеки!

КЕКИ. Ну что? Что? Какие три дня? Зачем? Легла, ноги раздвинула — всего и делов. Да ей, поди, не привыкать.

ТЕУТА. Зачем такое про девушку говоришь?

КЕКИ. Я говорю, что нечего тянуть. Вот что я говорю. А еще говорю, что чем раньше Сали её обрюхатит, тем лучше. Нам нужен мальчик. Но пусть Эдона сперва сюда её приведет. Надо проверить, какая она девушка.

ТЕУТА. Не мужское это дело. Мы уж сами.

КЕКИ. Знаю я вас. Баба бабу всегда покрывает. У вас сердца из воска. Не зря отец невесты жениху на свадьбе пулю дарит. *(Достает из кармана жилета пулю.)* Вот она — пуля. Безим наши обычаи знает. Потому и подарил.

ТЕУТА. Так ведь и ты не жених, и он — не отец.

КЕКИ. Он дядя. Родная кровь. И он глава семьи.

ТЕУТА. А кто у нее отец?

КЕКИ. Все из головы растрясла, да? Никогда меня не слушаешь.

ТЕУТА. Прости, Кеки. Вы так быстро с ним сговорились. Раньше свадьбу неделю играли, а теперь все в спешке, все на бегу... Ни тебе Дня помола зерна, ни Дня заготовки дров. Даже скот не резали.

КЕКИ. Какое зерно? Какие дрова? Никто кроме тебя этих порядков и не помнит.

ТЕУТА. Но Безим твой про пулю же вспомнил.

КЕКИ. Это другое. Тут мужские дела.

ТЕУТА. Вот и я никого из новой родни толком не запомнила.

КЕКИ. А тебе и не нужно. Никого из них в дом не пущу, пока мальчик не родится.

ТЕУТА. Разговоры пойдут. Сам же сказал, что косо смотрели, что жениха не показали. А теперь еще и невесту спрячем. Не дай бог шум поднимется.

КЕКИ. Не поднимется. Я Безиму все объяснил, он знает нашу ситуацию. Свадьбу по доверенности он сам и предложил. Так что будет молчать. И остальных успокоит. Он деревенский, у них кулаки крепкие. А брат его в свое время в город подался. Выучился, профессором стал, на родню деревенскую как на грязь смотрел. А как преставился — так и похоронить оказалось некому. Жена-то давно померла, еще родами. Хорошо Безим сразу приехал, по обычаям все устроил, как встарь заведено. Племянницу-сиротку пригрел...

ТЕУТА. Наследство брата он пригрел, а не племянницу. Ее-то он нам сбагрил, как худую посуду.

КЕКИ. Много ты понимаешь! Сказано в Кануне: «Женщина не наследует ни от родителей, ни от мужа».

ТЕУТА. Да я и не спорю.

КЕКИ. Нет, ты именно споришь! Только Канун, данный нам Лека Дукагьини, наш единственный закон, а не всякие там Конституции, тьфу на них. И пока вы в моем доме, будете жить по Кануну.

ТЕУТА *(тихо)*. Разве это жизнь.

КЕКИ *(не слыша её)*. Безим тоже чтит Канун. Старого уклада человек. Мы с ним на стройке познакомились, в общежитии койки наши рядом стояли. Вот времена были! На меня никто косо посмотреть не смел, не то что пальцем тронуть!

ТЕУТА. Да, при Энвере порядок был.

ДЯДЯ КЕКИ. Не смей! Не смей так говорить! Еще раз произнесешь это имя — прибью тебя палкой!

ТЕУТА. Молчу, братик, молчу! Не сердись на меня. Дай ноги тебе вытру.

Кеки успокаивает, позволяет Теуте вытереть себе ноги и обуть себя в мягкие домашние туфли с загнутыми носами. Но вставать из кресла не спешит.

КЕКИ. И вот приехал Безим в город, посмотрел, как люди живут, да и говорит мне: «Последние времена настали, Кеки! Женщины пошли на работу, обрезали юбки, оголили животы, носят кольца в пупке. И теперь их американцы...» *(Делает характерный жест.)*

ТЕУТА. А чего сразу американцы?

КЕКИ. Они во всем виноваты. От них все зло. Ну и от сербов, конечно.

ТЕУТА. Да ладно! Я вот столько лет живу — ни одного живого американца в глаза не видела.

КЕКИ. Женщина! Если ты не видела американцев, это не значит, что их в природе не существует.

ТЕУТА. А почему тогда как что американское купишь, то все оно сделано в Китае?

КЕКИ. Ты вот к чему спрашиваешь? Позлить меня захотелось?!

ТЕУТА. Я говорю, когда подарки молодым будем открывать?

КЕКИ. Тебе-то что за печаль? Сама сказала: подарки — молодым. Ты молодая? Нет. Ты старая. Вот и ступай. Подарки ей. Наш главный подарок — это мальчик. Наследник. Других подарков мне не надо. Давай уже, иди, поторопи Эдону, пусть ведет девчонку. И маковым отваром ее напоите. А то еще сопротивляться будет, кричать. Нам это ни к чему.

ТЕУТА. Опомнись, Кеки, маковый отвар младенцам дают, а она кобыла здоровая. Я ее своими таблетками накормила, которые для сна. Так что она уже ничего не сообщает.

КЕКИ. Как и ты. Тебе то подарки открывать, то американцев не существует.

ГОЛОС. А подарки-то будем открывать?

КЕКИ. Вот! Еще одна! Полюбуйтесь! *(Теуте.)* Твое воспитание!

В комнату въезжает инвалидная коляска, на которой сидит девушка. Это Лири — дочь Теуты, племянница Кеки. На коленях у Лири лежит свернутый свадебный наряд невесты и красиво вышитый мешочек.

КЕКИ. Чего ты здесь потеряла? Нечего тебе делать на мужской половине.

ЛИРИ. А чего я на женской не видела?

КЕКИ. Дерзкая ты стала, Лири. Давно не пороли.

ЛИРИ. Так ведь меня пори – не пори, я все равно ниже спины ничего не чувствую.

Короче, докладываю: Эдона ее передела. Я платье вам привезла. *(Берет в руки увесистый мешочек.)* И золото, которое на ней было.

Кеки бодро вскакивает с кресла и идет к Лири. Жадно хватает мешочек, встряхивает.

КЕКИ. Это все? Больше при ней ничего не было?

ТЕУТА. Нет, Кеки, я проверяла. Только одежда и украшения. Всю косметику я сразу выбросила. А больше ничего.

КЕКИ. Хорошо. Не хватало нам в доме мобильных телефонов всяких. Или еще чего похуже.

ЛИРИ. Куда уж хуже.

КЕКИ. Опять она дерзит. Отвечай лучше, ничего по дороге не умыкнула?

ЛИРИ. Да вот еще!

КЕКИ. Я ведь проверю. Мне ее дядя список дал. Всех украшений.

ЛИРИ. Делать больше нечего.

ТЕУТА. Лири, не груби дяде.

КЕКИ *(Теуте)*. Ты здесь еще? Мы так до утра не закончим.

ТЕУТА. Иду, Кеки. Сейчас мы ее приведем. *(Берет таз с водой, идет к выходу.)*

ЛИРИ. Так вы чего, первую брачную ночь с ними проведете?

КЕКИ. Тебя забыли спросить.

ЛИРИ. Не, ну серьезно? Прямо туда пойдете?

ТЕУТА. Сали большой мальчик, сам справится.

КЕКИ *(Теуте)*. Ты уйдешь, наконец?!

Кеки достает из кармана сложенный в несколько раз лист бумаги. Разворачивает, пытается прочесть то, что там написано. Кладет бумагу на стол. Раздраженно проверяет карманы, ищет очки.

ЛИРИ. Четырнадцатое марта.

КЕКИ. А?

ЛИРИ. День прихода лета.

КЕКИ. Что говоришь?

ЛИРИ. Еще одно лето... Еще одно...

КЕКИ. Ты пострадать, поплакать сюда явилась? В своей комнате места мало?

ЛИРИ. А что, глаза мозолю?

КЕКИ. Оставайся, только сиди тихо.

ЛИРИ (*тихо смеется*). Ты мне так в детстве говорил, когда мужчины приходили. Я сидела и слушала ваши разговоры.

КЕКИ. И пепельницы приносила. «Макайте», говорила. «Макайте»... (*Пауза.*) Курить не бросила? Смотри, мать узнает...

ЛИРИ. И чего она мне сделает? На улицу погулять не пустит?

КЕКИ. Очки не могу найти. Наверное, в лавке оставил.

ЛИРИ. Поискать?

КЕКИ. Не надо. Ты ведь не для того сюда пришла, чтобы уходить.

ЛИРИ. Читаешь мысли.

КЕКИ. Да какое там! Я буквы без очков прочитать не могу, не то что мысли.

ЛИРИ. Вы и правда собираетесь это сделать?

КЕКИ. Не она первая, не она последняя. Ты мать свою спроси, как ее замуж выдавали.

Она отца твоего всю жизнь ненавидела. И сейчас ненавидит, хотя он двадцать пять лет уже в могиле. Зато на людях через слово Далмата своего поминает. (*Передразнивает Теуту.*)

«Ах, Далмат мой! Ах, муж! Не муж, а золото!» А он бил ее смертным боем и голой в сад выгонял. Все соседи знали. А мы тихо все сделаем. Эдона проследит, чтобы Сали с ней дурного не сотворил.

Слушая Кеки, Лири разворачивает свадебный наряд, лежащий у нее на коленях.

Прикладывает платье к своему телу, как бы примеряет.

ЛИРИ. Идет оно мне?

Кеки смотрит на Лири, ничего не отвечает.

ЛИРИ. В зеркало бы посмотреть. (*Кеки.*) А ты не хочешь примерить?

БОЛЬШАЯ ПАУЗА.

ЛИРИ. Прости, прости меня... дядя! Дура я, злая дура! Прости! Пожалуйста, не сердись на меня!

КЕКИ. Я не сержусь, девочка... Схожу за очками. (*Идет к выходу.*)

Входит Теута.

ТЕУТА (*увидев Лири с платьем в руках*). Ты чего это придумала?! Чужое платье не примеряют! Плохая примета!

ЛИРИ. Это если замуж выходить. А мне это не светит.

ТЕУТА. Кеки, ты куда?

КЕКИ. За очками. В лавке оставил.

ТЕУТА. Возьми мои. (*Достает очки.*)

КЕКИ. Я в твоих не вижу ничего.

ТЕУТА. Лавку придется с сигнализации снимать. Звонить, людей беспокоить в праздник. Да они уж там, поди, все пьяные.

КЕКИ. Праздник у них... А мне что теперь, слепым сидеть?

ТЕУТА. Чего тебе надо прочитать? Давай я прочитаю.

КЕКИ. Да отстаньте вы все от меня!

Теута отходит в сторону, ворчит.

ТЕУТА. И слова ему не скажи.

КЕКИ. Где Эдона?!

ТЕУТА. Волосы ей сушит, сейчас приведет. Столько лака в прическу налили, волосы мыть пришлось. Может, все-таки подарки посмотрим?

КЕКИ. Делайте что хотите. Хоть «Наполони» здесь танцуйте. Только отстаньте от меня.

Теута подходит к сундуку, на котором сложены подарки. Берет одну из коробок, упакованных в оберточную бумагу, трясет ее. Посмотрев на Кеки, который раздраженно ходит по комнате, кладет подарок обратно.

ЛИРИ (*внезапно*). А если она не девственница?

Кеки останавливается. Молчит.

ТЕУТА. Не болтай, дура. Она из хорошей семьи, профессорская дочка.

ЛИРИ. Тем более. Застрелишь ее, дядя Кеки?

ТЕУТА. Я сама тебя когда-нибудь застрелю. И в саду под грушей закопаю. Скажу, что не было у меня дочери.

Кеки быстро идет к столу, берет лист бумаги, отдает Теуте.

КЕКИ. Читай.

Пока Теута достает очки, которые уже успела положить обратно, Кеки высыпает содержимое мешочка с украшениями на стол.

ТЕУТА (*тихо*). Если что, можно петуха заколоть и его кровью простыню...

КЕКИ. Читай!

ТЕУТА. Читаю, Кеки, читаю... (*Надевает очки.*)

КЕКИ. Никому ваша простыня не понадобится. Безим квартиру брата уже продал, завтра возвращается к себе в деревню. Все, вопрос закрыт. (*Теуте.*) Ну? Долго мне ждать?

ТЕУТА (*читает*). «Цепочка золотая с красным камушком на висюльке». Это чего? Рубин?

КЕКИ (*роется в украшениях*). Погоди... Да, вот он. Рубин, вроде. (*Откладывает украшение в сторону.*) Дальше.

ЛИРИ. Вы что, всерьез собрались золото пересчитывать?

КЕКИ. Рот закрой.

ТЕУТА (*читает*). «Цепочка золотая, толстая». Есть?

КЕКИ (*извлекает из кучи цепочку*). Это толстая?

ТЕУТА. Кому как.

КЕКИ. Толще здесь нет.

ТЕУТА. Значит, она. (*Читает.*) «Штучка в волосы. Белая с синими камнями». Сразу видно — мужик писал. Гребень, что ли?

КЕКИ. Эгрет.

ТЕУТА. А?

КЕКИ. Называется эгрет. Вот он. (*Показывает украшение.*)

ТЕУТА. Красиво. Серебро?

КЕКИ. Безим сказал, что белое золото. Надо проверить. Отнесу ювелиру потом.

В комнату входит женщина средних лет с усталым и застывшим как маска лицом. Это Эдона. Она ведет, цепко придерживая за плечи, юную девушку, одетую в ночную сорочку. Увлеченные драгоценностями, Кеки и Теута их не замечают. Зато вошедших видит Лири. Видит, но не говорит ни слова. Лишь отъезжает на своей коляске, освобождая дорогу. Эдона тоже молчит. Она вообще всегда молчит. Молчит и Розафа, но это объясняется тем, что девушка находится под действием седативных препаратов.

ТЕУТА (*читает список*). «Золотое обручальное кольцо». Это понятно.

Теута выхватывает кольцо из общей кучи.

ТЕУТА. Совсем тоненькое.

КЕКИ. А тебе какое надо? Чего ты опять начинаешь?..

ТЕУТА. Что ты, Кеки! Ничего мне не надо! Ты потом спрячь все это, в сейф запри.

КЕКИ. Без бабских советов как-нибудь разберусь.

Лири внезапно фыркает от смеха. Кеки и Теута оглядываются на нее, видят вошедших Эдону и Розафу. Теута вскакивает, суетится.

ТЕУТА. А вот и Розафа. Вот и красавица наша. Ай, какая красавица!

РОЗАФА. Где?..

ТЕУТА. Что, моя милая?

РОЗАФА. Дядя...

ТЕУТА. Твой дядя уехал. К себе, в деревню. Теперь ты живешь у нас.

РОЗАФА. Я хочу уйти...

ТЕУТА. Сейчас пойдешь, ляжешь... Все будет хорошо, мой птенчик.

РОЗАФА. Отпустите меня...

КЕКИ. Ты чем ее накормила? Поганками, что ли?

ТЕУТА. Говорю же, таблетки свои дала. (*Розафе.*) Как ты себя чувствуешь, куколка? Не тошнит?

КЕКИ. Меньше разговоров. (*Снимает с пояса ключ, протягивает Теуте.*) Отведите ее. Пора.

ТЕУТА (*беря ключ*). Ну, пора так пора.

Теута выходит первой. За ней Эдона, не выпускающая Розафу из цепких рук. Молчание.

КЕКИ. «Муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви, и Он же Спаситель тела».

ЛИРИ. Это ты о Сали?

КЕКИ. Это я вообще. О том, как все устроено.

ЛИРИ. Ясно.

КЕКИ. Ничего тебе не ясно. И мне тоже ничего не ясно.

Вбегает Теута.

КЕКИ. Ты чего?

ТЕУТА. Не тот ключ, Кеки. Ты мне от сейфа дал.

Кеки хватается за пояс, на котором висит еще один ключ. Снимает. Они с Теутой меняются ключами.

КЕКИ. Да что такое, опять перепутал. Напомни мне потом поменять замок в комнате Сали. А то так и будем...

ТЕУТА *(на ходу)*. Напомню, напомню, если сама не забуду. *(Уходит.)*

Тишина. Тягостное и мучительное молчание Кеки и Лири продолжается до тех пор, пока в комнату не возвращается Теута.

КЕКИ. А где Эдона?

ТЕУТА. Там, под дверью осталась. Я ей ключ оставила. На всякий случай.

КЕКИ. Ну и дура, что оставила. Мало ли что Эдоне в голову взбредет.

ТЕУТА. Перестань. Она же мать.

КЕКИ. Родина ждет героев, а бабы рожают дураков. Вот это про нее и про нашего Сали.

Кеки подходит к столу, садится, протягивает Теуте листок со списком украшений.

КЕКИ. Давай, на чем мы там остановились?

Теута нехотя подходит к Кеки, берет список. Садится рядом.

ТЕУТА *(прислушиваясь к тишине в глубине дома)*. На обручальном кольце мы остановились. *(Читает.)* «Серьги в форме бабочек. С жемчужинами».

КЕКИ. Есть. Есть серьги. Золотые.

В этот момент вдалеке раздается приглушенный женский крик. Женщина кричит и кричит...

КЕКИ *(требовательно)*. Читай дальше! Ну?!

Крики продолжают.

ТЕУТА *(читает громче, чтобы заглушить крики)*. «Браслет — змея с изумрудными глазками».

КЕКИ. Вот он браслетик. А какие глазки!

Лири подъезжает ближе к Кеки и Теуте.

ЛИРИ. Вы что, не слышите? Оглохли? Прекратите это!

ТЕУТА. Может и правда... пойти... посмотреть?..

КЕКИ. Сиди. Теперь уж поздно.

ЛИРИ. Почему она кричит? Почему она так страшно кричит? Это так больно?

ТЕУТА. Да ничего не больно. Вначале неприятно бывает. Особенно с непривычки. А потом — ничего. Даже и не замечаешь. Помню, мой Далмат на мне трудится, радуется, а я в это время...

Внезапно Кеки сильно бьет Теуту по лицу. Она вскрикивает от боли, хватается за щеку. Молчит. Молчит и Кеки. Молчит, обхватив голову руками, Лири. И только Розафа продолжает кричать. Темнота.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Лавка дяди Кеки. Это небольшой магазинчик из числа тех, что торгуют всем и сразу. В основном, конечно, товарами длительного хранения: бакалея, консервы, пиво и многое другое.

На кассе — рабочем месте Лири — плакаты с изображением Матери Терезы, полка с сувенирными пепельницами в форме бункеров (их в немыслимом количестве понастроил по всей Албании Энвер Ходжа), стойка с открытками и лоток с сигаретами.

Дверь на улицу открыта. У входа в лавку, на пластиковом стуле, дядя Кеки и проводит большую часть дня, общается с соседями и просто прохожими, приглашая их в магазин. На улице он пьет чай и курит, не заходя в лавку без особой нужды. Для «особых нужд» в магазине есть туалет, дверь в который спрятана за стеллажами с товаром. Кроме того, из лавки можно попасть прямо в дом, что очень удобно. Особенно для Лири с ее коляской. Лири сидит за кассой, листает какой-то журнал, жует жевательную резинку, надувая и лопаая пузыри.

С улицы в лавку входит дядя Кеки, ведя под руки древнюю старуху.

КЕКИ. Проходите, уважаемая. Осторожно, тут ступенька... Давно у нас не бывали.

СТАРУХА. Давно, Кеки, давно.

КЕКИ. Это Лири, племянница моя. Помните ее? Дочка Теуты.

ЛИРИ. Здравствуйте, бабушка!

КЕКИ. Проходите, выбирайте. Лири вам поможет.

СТАРУХА. Спасибо, Кеки. Дай бог тебе здоровья. Ступай, сама справлюсь. Я старая, но ум еще при мне. Не забыла, как покупки делать. *(Уходит вглубь лавки.)*

КЕКИ *(Лири)*. Денег с нее не бери.

ЛИРИ. С чего вдруг?

КЕКИ. А приданое ребенку кто шить будет? Ты, что ли, своими кривыми руками?

ЛИРИ. Со свадьбы две недели прошло, а вы уже суетитесь. Давайте еще имя начнем ребенку придумывать.

КЕКИ. Имя давно придумано.

ЛИРИ. Делать больше нечего.

КЕКИ. Поговори мне.

ЛИРИ. И руки у меня не кривые.

КЕКИ. Да я тебе саван свой погребальный шить не доверю. *(Идет к выходу.)*

ЛИРИ. Не больно-то и хотелось.

Кеки выходит из лавки. Возвращается старуха, в руках у нее несколько пакетов в ярких упаковках — в основном это печенье и конфеты. Старуха кладет покупки на стойку, за которой сидит Лири.

СТАРУХА. Как ты похожа на брата. Как он поживает? Давно его не видела.

ЛИРИ *(не сразу)*. Бабушка, Ринор умер. Скоро десять лет будет. Убили его.

СТАРУХА. Да, да... Мне кто-то говорил, но я думала, что это Сали пошел убивать кровника Кеки, и его там застрелили.

ЛИРИ. Нет, бабушка, Сали жив и... И здоров. Дома сидит, не выходит. Боится, что кровники убьют.

СТАРУХА. Так это Сали ребенка родил?

ЛИРИ. Еще не родил, бабушка. Еще только жену в дом привел.

СТАРУХА. Поняла, поняла... Не любила я отца его, злой был человек. А вот Эдона мне всегда нравилась. Хорошая, работающая. Видела ее сегодня. С каким-то парнем.

ЛИРИ. Вы ничего не путаете, бабушка?

СТАРУХА. С парнем, с парнем... Видела, как тебя вот. Он ей деньги давал. Подумала еще, что деньги на улице не достают — плохая примета. Сколько я тебе должна?

ЛИРИ. Ничего не должны, бабушка. Все бесплатно. Подарок вам.

СТАРУХА. Ой, спасибо, спасибо тебе.

ЛИРИ. Не мне, бабушка. Дядю Кеки благодарите.

СТАРУХА. Я всегда говорила, Ракипи — хорошая семья. Обязательно приду к вам приданое для мальчика шить.

ЛИРИ. Конечно, приходите. Всегда вам рады. Давайте я ваши покупки в пакет переложу. Удобнее нести будет. *(Перекладывает покупки в пакет.)*

СТАРУХА. Спасибо, милая. Да я и взяла-то не много. Много мне не донести. Того взяла и этого. По чуть-чуть. Своих порадовать. Они любят сладкое. Сперва к Иллке и Арте загляну. Это сестры мои. Для них печенье взяла. На обратном пути к маме. Она у меня леденцы любит. Мужа тоже надо навестить. Хоть он и выгнал меня из-за того, что детей ему подарить не смогла. Если хочешь, к брату твоему схожу. Что он у тебя любит?

ЛИРИ. Так вы... Вы на кладбище пойдете?

СТАРУХА. А куда мне еще ходить? Когда первый раз, девчонкой еще несмышленной, на кладбище попала, все удивлялась: «А где же тут люди? Тут кругом огороды!» *(Смеется.)* Сама-то не помню, родители рассказывали. Каждый раз смеялись, как вспоминали...

Лири тянется к лотку с сигаретами, достает одну пачку.

ЛИРИ. Тогда вот сигареты возьмите. Ринор только их курил.

СТАРУХА. Есть такой обычай. Когда жених приходит в дом, ему сначала предлагают сигарету. И вдруг, когда он курит, выводят будущую невесту и тут же предлагают еще одну сигарету. Если он от растерянности закурил новую сигарку, значит, понравилась невеста, влюбился.

ЛИРИ. Ринору пятнадцать лет было. Курить научился, а влюбиться не успел.

(Оборачивается, берет с полки сувенирную пепельницу.) И пепельницу для него возьмите. Она легкая.

СТАРУХА *(разглядывая пепельницу)*. Муж мой вот такой же бункер строил возле Гирокастры. Мы тогда там жили. Знаешь, что это родной город Энвера? Он там родился.

ЛИРИ. Знаю, бабушка. В школе проходили. *(Кладет сигареты и пепельницу в пакет с остальными покупками.)*

СТАРУХА. Энвер все врагов боялся, страну укреплял. А как умер — все развалилось. Все.

Старуха берет пакет, идет к выходу. Оборачивается.

СТАРУХА. Эдоне скажи, что парень тот мне понравился. Хороший парень. Только пусть больше деньги на улице не достает. Быть беде. *(Уходит.)*

Лири выезжает из-за стойки, едет вдоль стеллажей, останавливается. С трудом дострагивается до полки, на которой выставлено баночное пиво. Берет одну банку, но открыть не успеваает. В глубине лавки слышен голос Теуты.

ТЕУТА. Ну, давай, давай, чего копаешься? Ведро и тряпки в туалете.

Лири прячет пиво за спину. Появляется Теута.

ТЕУТА. Вот почему я как в лавку не зайду, все время вижу тебя возле полок с пивом? Ты пьешь, что ли?

ЛИРИ. Ага. И курю еще.

ТЕУТА. Три часа почти, Кеки пора обедать. А нам надо полы мыть.

ЛИРИ. Мойте. Я здесь при чем?

ТЕУТА. А ты всегда ни при чем. Куда ни глянь. Ты удивительно хорошо в этой жизни устроилась.

ЛИРИ. Можем поменяться. Я пойду полы драить, а ты за меня в коляске посиди.

ТЕУТА. Полы будет мыть Розафа.

ЛИРИ. С чего вдруг?

ТЕУТА. С того, что две недели прошло.

ЛИРИ. Ой, дай угадаю! Прошло две недели и по какому-то там обычаю молодая жена должна помыть полы?

Теута отвечает дочери коротким тычком в плечо, от чего Лири вскрикивает, а банка с пивом предательски падает на пол.

Молчание.

Теута подходит к банке, нагибается, подымает ее и ставит обратно на полку.

ТЕУТА. Как ты все-таки на брата похожа.

ЛИРИ. Знаешь, мама, лучше бы ты меня избилла. *(Едет к кассе.)*

Появляется Розафа, в руках у нее ведро с водой и швабра с тряпкой.

ТЕУТА. Прямо от дверей начинай, там самая грязь. И воду меняй почаще. Справишься?

Розафа кивает.

ТЕУТА. Пойду за Кеки. *(Направляется к выходу на улицу.)*

В лавку входит Кеки, таща за руку Эдону. При виде Кеки Розафа уходит за стеллажи.

КЕКИ *(Теуте.)* Закрывай лавку!

ТЕУТА. Но еще трех нету.

КЕКИ. Закрывай!

Теута спешит к дверям, выполняет приказание Кеки.

ТЕУТА. Да что случилось-то?

КЕКИ. Вот! Полюбуйтесь!

Кеки бросает на пол горсть конфет. Лири выезжает из-за стойки, разглядывает конфеты.

КЕКИ. Пошел старуху-белошвейку до автобуса проводить. Возвращаюсь, захожу за угол... А там дрянь эта (*показывает на Эдону*) оборванцев соседских конфетами угощает. Полные горсти им отсыпает! Обокрала меня, дрянь такая!

ЛИРИ. Дядя, не могла она, у нас в лавке таких конфет и не бывало никогда!

КЕКИ. Значит, она деньги у меня украла! И конфет на них купила! Открывай кассу, Лири!

ЛИРИ. Зачем я ее буду открывать, если у нас с утра ни одного покупателя не было? В кассе даже одного лека не наберется.

КЕКИ. В этом доме все мне поперек говорят! Все! Мало бил вас?! (*Сам заходит за стойку, открывает кассу.*) Обыщи ее, Теута!

ЛИРИ. Делать больше нечего.

ТЕУТА. А почему я?

КЕКИ. Я, что ли, жену брата щупать должен? А ты все-таки женщина.

Теута подходит к Эдоне, ощупывает ее одежду.

ЛИРИ. Мама, не надо!

КЕКИ. Молчать! Воровку пожалела?! Или заодно с ней? На пару у меня крадете?!

Эдона не сопротивляется обыску. Теута засовывает руку в разрез платья на груди Эдоны и достает небольшой прямоугольный предмет. Это мобильный телефон.

КЕКИ. Та-а-а-ак! Приехали!

ТЕУТА. Это чего это? Телефон?

Кеки подходит к Теуте, берет у нее телефон, разглядывает. Неожиданно замахивается на Эдону.

ЛИРИ. Дядя! Нет! Не надо! (*Хватает Кеки за одежду.*)

Кеки останавливается.

ЛИРИ. Не трогай ее, дядя. Это мой телефон.

Большая пауза.

КЕКИ. Дожили... Ну и... Где ты его взяла?

ТЕУТА (*внезапно*). Я ей купила.

КЕКИ. Ты?!!

ТЕУТА. А что? Пусть у девочки будет телефон. Что в этом плохого?

КЕКИ. Что? Что?!! Ты еще спрашиваешь?!! Там же часы!!!

ТЕУТА. Какие часы?

Кеки подсакивает к ней, тычет ей в лицо телефоном.

КЕКИ. Да вот же!.. Вот!!! По ним время можно узнавать! Не может женщина носить часы! Не имеет права! Ни часы, ни шляпу! Ты бы еще штаны ей купила, дура!!!

ЛИРИ. Так часы отключить можно.

КЕКИ. Отключить?! Я сейчас отключу...

Кеки бросает телефон на пол, топчет его ногами.

КЕКИ. Вот тебе часы! Вот! Вот! Мужчиной быть захотела?! Вот тебе! *(Внезапно стонет, хватается за сердце.)*

ТЕУТА. Что? Опять? *(Бросается к брату.)*

КЕКИ *(отталкивая ее)*. Не прикасайся ко мне, змея! Смерти моей хотите.

ТЕУТА. Что ты, Кеки! Зачем такие слова говоришь!

КЕКИ. Умру — по миру пойдете.

ЛИРИ. Живи еще сто лет, дядя!

ТЕУТА *(достает пузырек с таблетками)*. Вот таблетки, прими.

Кеки принимает таблетку.

КЕКИ. Давай, отрави меня. Только и ждешь, когда я сдохну. Думаешь, тогда телефоны сможете на мои деньги покупать, часы носить?

ТЕУТА. Ничего я не думаю.

КЕКИ. И правильно, и не думай. Вы — никто! И ничего вашего в этом доме нет. И жизнь ваша не дороже собачьей.

ТЕУТА. Как скажешь, Кеки. Ты мужчина, ты глава семьи. Давай пойдём, ты ляжешь, отдохнешь.

КЕКИ. В могиле я отдохну вашими заботами. А вы на ней спляшете. С голыми животами. А потом американцы вас всех... *(Делает характерный жест руками.)*

За стеллажами звякает опрокинутое ведро.

ТЕУТА. Вот дура! Ничего в руках удержать не может.

КЕКИ. Кто там?

ТЕУТА. Да молодая наша. Попросила полы помыть, так она ведро опрокинула. *(Кричит.)* Лучше б ты себе голову разбила!

КЕКИ. Как вы мне все надоели. Если б кто знал. Если б знал...

ТЕУТА. Давай, Эдона, помоги мне. Сведем Кеки в спальню. *(Кричит.)* И убери за собой. Слышишь, Розафа?!

КЕКИ. Не ори. И так голова раскалывается. Что ты все время орешь?

ТЕУТА. Молчу, Кеки. Молчу.

Теута и Эдона берут Кеки под руки, уводят его в дом.

Молчание.

ЛИРИ. Ну? Выйди хоть, покажись.

Из-за стеллажей выходит Розафа. Стоит, опустив голову.

ЛИРИ. Подыми телефон. Только осторожно, не доломай.

Розафа выполняет приказ, отдает телефон Лири. Та какое-то время рассматривает его.

ЛИРИ. Ничего, экран цел. Скотчем перемотаю — и порядок. Будет работать. Твой?

РОЗАФА. Что?

ЛИРИ. Хахаль. Который Эдоне деньги и телефон дал.

Розафа молчит.

ЛИРИ. Твой. Больше ничей. У меня телефона нет, мне звонить некому. Эдоне тоже. Она у нас вообще не разговаривает. Только молчит и слушает. Прямо как ты сейчас.

Розафа молчит.

ЛИРИ. Мне старуха-белошвейка сказала, что видела Эдону с каким-то парнем. Что он якобы Эдоне деньги давал. С чего вдруг? Не знаешь? Вот я тоже старухе не поверила. Подумала, что она последний ум растеряла. А потом дядюшка Эдону с конфетами поймал. Есть у нее такой бзик, последнее может детям на улице отдать. Я иногда даю ей конфет для ребятишек, сама-то она боится у дяди красть. А я не боюсь. Я вообще его не боюсь. Не веришь? Вот дай мне банку пива. Рядом с тобой стоит.

Розафа берет с полки банку с пивом, отдает Лири.

ЛИРИ. Захочу — выпью. Только я не хочу. (*Сильно трясет банку.*) На, поставь обратно. Будет кому-то из местных алкашей праздник. Я так часто делаю. А что? Надо же как-то развлекаться. Мне ведь парни телефоны не передают. У меня вообще знакомых мужчин нету. А у тебя есть.

Розафа молчит, шмыгает носом.

ЛИРИ. Только плакать не начинай. Бесит. Не реви, слышишь? В этом доме не плачут. Здесь только ненавидят и проклинают. А станешь плакать, займешь место Эдоны. (*Пауза.*) Они тебя каждую ночь на случку водят?

Розафа кивает.

ЛИРИ. Старые суки. Не терпится им.

РОЗАФА. За что они так со мной? Ведь он же... урод. Сумасшедший урод! Я от его запаха отмыться не могу. Они же его на цепи держат, он под себя ходит. Знаешь об этом?

ЛИРИ. Знаю. Сали наш редкостный урод. Детей можно пугать. Только ты не думай, его безумие вашему ребенку не передастся. У Эдоны роды были трудные, малышка Сали щипцами доставали. Повитуха ему мозг повредила, изуродовала. Вот его с детства от людей и прячут. И врут. Врут на каждом шагу. Ненавижу. Они всем говорят, что он из дома не выходит, потому что кровников боится. Вранье. Нету у нас больше кровников. В мае десять лет будет, как последнего убили.

РОЗАФА. Кто убил?

ЛИРИ. Очень ты любопытная, как я погляжу. Поставь пиво на место и ступай работать. А то мать вернется, орать будет.

Розафа берет у Лири банку, ставит ее на полку.

РОЗАФА (*тихо*). А телефон?

ЛИРИ. А что телефон?

РОЗАФА (*не сразу*). Ты мне его отдашь?

ЛИРИ. Отдам. Если он твой.

РОЗАФА. Мой.

ЛИРИ. Тогда отдам. Только починю сначала.

РОЗАФА. А ты сможешь?

ЛИРИ. Попробую. Компьютер я себе наладила, с телефоном тоже разберусь.

РОЗАФА. Так у тебя компьютер есть?

ЛИРИ. Ноутбук. Старенький, но хороший. Американский. Его у «натовцев» в Югославии стырили. В войну еще. Так что он у меня ветеран. Только на скотче и держится.

РОЗАФА. А интернет? Мне нужен интернет!

ЛИРИ. Эй-эй, полегче! Ты прямо хочешь, чтобы в нашем средневековье тебе все тридцать три удовольствия? Нету у меня интернета.

РОЗАФА. Зачем тогда компьютер?

ЛИРИ. А кто, думаешь, здесь бухгалтерию ведет? Мать Тереза? Хоть в игры позволяют рубиться — и на том спасибо. Короче, ночью приходи за телефоном — все покажу.

РОЗАФА. Меня Эдона до утра запирает. Когда от Сали приводит.

ЛИРИ. Я тебя умоляю! Здешние замки можно пальцем открыть. У тебя шпилька есть?

РОЗАФА. Да.

ЛИРИ. Ну, вот ей замок и откроешь.

РОЗАФА. Я не умею.

ЛИРИ. Я в семь лет этому научилась, научишься и ты. Если не совсем дура.

РОЗАФА. А если Эдона услышит? Ее комната рядом с моей.

ЛИРИ. Послушай, уж если она телефон согласилась передать, не выдала тебя, то тут уж точно будет спать как убитая.

РОЗАФА. А почему она согласилась? Ведь я же...

ЛИРИ. Изменяешь ее сыну? Своему мужу?

РОЗАФА. Ну... Получается что так. Только я ему не изменяю. Ты не думай! Мы с Майклом просто...

ЛИРИ. С Майклом? Он у тебя иностранец?

РОЗАФА. Американец. В посольстве работает.

ЛИРИ. Как тебе повезло-то!

РОЗАФА. Почему?

ЛИРИ. Больше всего на свете дядя Кеки ненавидит американцев. Но тебе повезло в другом. Эдона ненавидит дядю Кеки больше, чем тот американцев. Потому и не выдала. Я бы тебя тоже не выдала.

РОЗАФА. Вы что, и правда, все друг друга ненавидите?

ЛИРИ. Привыкай. Ненавидеть легче, чем любить. Скоро сама поймешь.

Молчание.

ЛИРИ (*прислушиваясь*). Мать возвращается. Иди хоть поработай для вида.

Розафа кивает, уходит. Появляется Теута.

ТЕУТА. Еле уложили, все комнату Эдоны рвался обыскать.

ЛИРИ. Делать больше нечего.

ТЕУТА. Устала я. Как же я устала.

ЛИРИ. Так давай уедем.

ТЕУТА. Куда? Кому мы нужны?

ЛИРИ. А здесь мы кому нужны? Хуже собак живем.

ТЕУТА. Вот оно и видно, ты только лаять да огрызаться горазда. Собака и есть. На меня лаешь, на дядю. А ты уважать его должна. Руки ему лизать.

ЛИРИ. С чего вдруг?

ТЕУТА. Он мужчина, глава семьи, он заботится о нас.

ЛИРИ. Из ушей уже лезет его забота.

ТЕУТА. Вот был бы жив Ринор... вот тогда...

ЛИРИ. Ну, давай, скажи уже, что лучше бы меня вместо него убили. Ведь ты же хочешь это сказать, ведь на языке вертится, я вижу!

Молчание.

ТЕУТА. Твой телефон-то?

ЛИРИ. А если и мой. То что?

ТЕУТА. Да ничего.

Теута идет к стеллажу с пивом, берет ту самую банку, которую встряхивала Лири. Открывает. Струя пены заливает Теуте платье, льется на пол. Лири беззвучно хохочет. Теута бежит за стеллажи. Оставшись одна, Лири еще раз осматривает телефон.

ЛИРИ. Ничего, можно починить. Можно. Можно.

Теута возвращается. Она лихорадочно осматривает стеллажи. Что-то ищет.

ЛИРИ. Мама?

ТЕУТА. Где?!

ЛИРИ. Что?

ТЕУТА. Где?... Эти...

ЛИРИ. Да кто?

ТЕУТА. Тесты. Тесты на беременность. Где?

ЛИРИ. Ты с ума сошла? Зачем тебе?

ТЕУТА. Да не мне, дура! Эту... Выворачивает в туалете... Захожу, а она... *(Показывает.)*

ЛИРИ. Розафу тошнит?

ТЕУТА. Где тесты?

ЛИРИ. Под прилавком. Дядя все женское туда убрал.

Теута забегают за прилавок, роется там, выкладывая на прилавок упаковки прокладок, подгузников и т.д.

ЛИРИ. Мам, так ведь две недели всего прошло.

ТЕУТА. Много ты понимаешь! Вот они!

Теута хватается тесты на беременность, бежит обратно в туалет.

ЛИРИ (*обращаясь к сломанному телефону.*) Ну что, Майкл, станешь ты папой или нет? Как думаешь?

Свет гаснет.

Темнота.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Душная майская ночь, однако ставни в комнате Лири закрыты, чтобы свет не был виден из внутреннего двора, куда выходят окна всех комнат в доме.

Вдалеке гремит гром, на город идет гроза.

Лири сидит в своем кресле-каталке возле шаткого стола, играет на стареньком, перемотанном скотчем, ноутбуке в какую-то игру. Звуков игры не слышно, но судя по всему это какая-то «стрелялка».

Розафа находится в углу комнаты, недалеко от окна; она стоит на табурете, высоко подняв над головой руки, в которых держит мобильный телефон, тоже перемотанный скотчем. Звук принятой «sms». Розафа спускается вниз, читает сообщение. Улыбается.

ЛИРИ (*отрываясь от игры.*) Что пишет-то?

РОЗАФА. Да так... Пишет, что любит, что жить без меня не может.

ЛИРИ. Погоди, он же это в прошлом сообщении прислал.

РОЗАФА. Он в каждый раз пишет. Он меня любит!

ЛИРИ. Не понимаю. Сказал один раз, зачем повторять?

РОЗАФА. Ты что, ни разу не влюблялась?

Лири молчит.

РОЗАФА. Извини, я, наверное, что-то не то сказала.

ЛИРИ. А в меня можно влюбиться?

РОЗАФА. Ну...

ЛИРИ. Ясно.

РОЗАФА. Почему ты не приведешь себя в порядок?

ЛИРИ. Я в порядке.

РОЗАФА. Надо причесаться. Сделать маникюр, ногти покрасить. Некрасиво же так.

ЛИРИ. Делать больше нечего. Чтобы дядя Кеки мне потом крашенные ногти плоскогубцами выдрал? Два месяца с нами живешь, а не поняла еще, куда попала?

РОЗАФА. Лири, милая, со мной же кроме тебя и не говорит никто. Дядя Кеки просто не замечает, будто меня и нет. Мама твоя кричит все время. А Эдона молчит. Смотрит и молчит. Так страшно. (*Неожиданно смеется.*)

ЛИРИ. Ты чего?

РОЗАФА. Да так... Просто вспомнила. Из детства. Я очень любила ананасы, и все время просила отца их купить. А когда у нас не было денег, папа всегда говорил, что если я буду

часто есть ананас, то стану немой... И я всегда думала, что немые люди просто переели ананасов... Смешно?

ЛИРИ. Эдона не немая. Она может говорить. Только не хочет.

РОЗАФА. Почему? Как можно не хотеть говорить?

ЛИРИ. Я вот часто не хочу. Особенно, когда мать начинает вопросы задавать.

РОЗАФА. Так это у нее болезнь какая-то?

ЛИРИ. Ну, да. Наверное. Только всем всё равно.

РОЗАФА. И тебе?

Лири молчит.

РОЗАФА. Ну, вот, я опять что-то не то сказала. С тобой иногда сложно дружить.

ЛИРИ. А мы подруги?

РОЗАФА. Да. Думаю, да.

ЛИРИ. До этого у меня только один раз была подруга. Давно. Только она была странная. Мы с ней вместе в больнице лежали. По ночам она ласкала себя влажными салфетками, а потом сушила их на батарее.

РОЗАФА. Гадость какая. Зачем?

ЛИРИ. Она в эти салфетки письма Сатане заворачивала и хранила у себя под грудью...

Просила у дьявола всякое... разное... Ну, сумасшедшая, что с нее взять. Там все были такие. Полная больница психов.

РОЗАФА. А что ты делала в больнице для психов? Ты?..

ЛИРИ. Да я-то нормальная. Дядя Кеки денег заплатил, чтобы меня туда... а не в тюрьму.

РОЗАФА. В тюрьму? Тебя? За что?

ЛИРИ. Дура была, в неприятности ввязалась.

РОЗАФА. В детстве, когда случались неприятности, папа всегда говорил: «Не расстраивайся, пойдем чайку попьем».

ЛИРИ. У меня другие неприятности были. Никакой чай не поможет.

РОЗАФА. А мне до сих пор помогает. Папа умер, а я все так же после тяжелого дня сажусь пить чай и думаю, что я не одна.

ЛИРИ. Ты не одна. У тебя есть... *(Слово «я» Лири произнести не решается.)* У тебя теперь муж есть.

РОЗАФА. Ой, Лири, пожалуйста, не говори о нем. Не напоминай даже. Я каждый день благодарю бога, что меня к нему водить перестали, как только о беременности узнали.

Я своего ребенка уже только за это люблю. Что избавил меня от...

ЛИРИ. Все так плохо было?

Розафа молчит.

ЛИРИ. А я вот своего отца вообще не помню. Когда он умер, его семья объявила брата и меня незаконными, чтобы наследство не отдавать. Нас изгнали. И матери пришлось проситься в дом дяди Кеки. Он нас принял, несмотря на позор.

РОЗАФА. Так он хороший?

ЛИРИ. Кто?

РОЗАФА. Дядя Кеки.

ЛИРИ. Не знаю. Иногда убить его готова.

РОЗАФА. И я.

Пауза.

ЛИРИ. Ты вот про Эдону спрашивала. Так я расскажу. В девяносто седьмом, когда на юге восстание началось, люди начали грабить склады с оружием. А потом пошли на Тирану. Вот дядя Кеки и подговорил мужа Эдоны ехать на юг, в Берат, чтобы оружием разжиться.

РОЗАФА. А зачем ему оружие?

ЛИРИ. Как зачем? На продажу. Тогда многие им торговали... Эдона уже на последних месяцах ходила, Сали в себе донашивала, но тоже поехала. Они с мужем думали, что вдвоем сподручнее будет. Что мужика с беременной женой спокойно пропустят. Вот они вдвоем и поехали. Так вот мужа солдаты убили, а Эдону... Ну, в общем, она не говорит с тех пор. И что и как там все произошло так никто и не знает. Домой ее без сознания, всю в крови привезли. А когда Сали при родах головку повредили — так вообще все плохо стало. Я в детстве очень жалела Сали, играла с ним, а когда подросла — забыла про него. Не заходила никогда в его комнату. Ну, когда еще могла ходить... Ты не слушаешь меня?

РОЗАФА (*набирая в телефоне сообщение*). Извини, пожалуйста, надо ответить Майклу. Он ждет.

ЛИРИ. Да, конечно.

Розафа набирает сообщение, идет в угол комнаты, забирается на табурет и поднимает руку с телефоном.

РОЗАФА. Вот странно... В моей комнате он почему-то сигнал не ловит. А у тебя...
(*Приподымается на цыпочки.*)

ЛИРИ. И ты только поэтому ко мне и ходишь.

РОЗАФА. Нет! Что ты! Мы же подруги! Мне с тобой очень интересно!

ЛИРИ. Тоже мне — нашла интерес.

РОЗАФА. Нет, правда!

ЛИРИ. Это мне с тобой интересно. С тех пор как ты стала ко мне приходиться, я просыпаюсь счастливой.

Телефон извещает, что сообщение отправлено. Розафа спускается вниз.

ЛИРИ. Что ты ему написала?

РОЗАФА. Я ему написала!.. Я ему написала!.. Что люблю его не-ре-аль-но! (*Кружится по комнате, смеется, падает на кровать.*)

ЛИРИ. Красиво.

РОЗАФА. Я такая дура... Мне уже восемнадцать, я замужем, жду ребенка... Лири! Мне снятся такие красивые невозможные сны... И я верю, что однажды проснусь и увижу другую жизнь. С Майклом. Далеко-далеко отсюда.

ЛИРИ. И что? Где-то есть места, где женщина — человек?

РОЗАФА. Конечно! (*Пауза.*) Я тебе сейчас одну вещь скажу, только сперва поклянись, что не выдашь!

ЛИРИ. Да как я тебе поклянусь? Для настоящей клятвы надо прикоснуться рукой к священному предмету. Иначе клятва не дана. Так в Кануне записано.

РОЗАФА. С ума с вами сойдешь. Священный предмет ей подавай. (*Оглядывает комнату.*) Придумала!

Розафа разворачивает монитор компьютера, на котором в качестве заставки установлен портрет Матери Терезы.

РОЗАФА. Вот! Клянись на Мать Терезу!

ЛИРИ (*кладет руку на монитор*). Клянусь Матерью Терезой, что никому не скажу!

Пауза.

РОЗАФА. Майл предлагает мне убежать в Америку.

ЛИРИ. Пешком, что ли?

РОЗАФА. Ну, зачем ты так. Самолетом, конечно.

ЛИРИ. Да кто тебя пустит в Америку? У тебя и документов никаких нет. Их дядя Кеки в сейф запер.

РОЗАФА. Так их можно как-нибудь оттуда украсть.

ЛИРИ. С ума сошла?!

РОЗАФА. А чего? Это мои документы. И золото в этой сейфе тоже мое. Оно от мамы осталось. (*Плачет.*)

ЛИРИ. Ты чего? Ну, не плачь!

РОЗАФА. Вдруг это не его ребенок? Не Майкла... Вдруг это ребенок Сали?

Пауза.

ЛИРИ. Так вы с Майлом?..

РОЗАФА. Да.

ЛИРИ. А почему мне не рассказывала?

Внезапно Розафа прикладывает палец к губам. Делает несколько шагов к двери, прислушивается. В этот момент раздается тихий стук в дверь.

ГОЛОС ТЕУТЫ. Лири, это я. Не спишь еще? Открой.

Розафа мечется по комнате, Лири показывает ей на окно. Розафа открывает одну из ставень и вылезает во двор. Стук в дверь повторяется.

ЛИРИ (*негромко*). Сейчас. (*Едет к двери, отпирает.*)

В комнату входит Теута.

ТЕУТА. Зачем дверь запираешь? (*Принюхивается.*) Опять курила?

ЛИРИ. Делать больше нечего. В компьютер играю. А ты чего?

ТЕУТА. Не спится. Душно. Гроза идет.

ЛИРИ. Мама, выпей какую-нибудь таблетку и ступай спать.

ТЕУТА. Выпила уже — не помогает.

Теута запирает дверь, идет к столу, и ставит на него бутылку.

ТЕУТА. Бурбон. Говорят, американский самогон. Врут, наверное. Все американское сделано в Китае. Ну, ничего, нам сейчас и китайское сойдет. Пей.

ЛИРИ. С чего вдруг?

ТЕУТА. Братика твоего помянем. Сегодня годовщина. Десять лет. Забыла?

ЛИРИ. Нет. Помню.

Лири пьет прямо из бутылки, морщится.

ТЕУТА. Дай-ка мне.

ЛИРИ. Ты таблетку приняла.

ТЕУТА. Ну и что?

ЛИРИ. Так алкоголь с таблетками нельзя. Не откачаем тебя потом.

ТЕУТА. Ой, да какие сейчас таблетки — один мел. Всю жизнь лекарства у Эмина Шпахья покупала, а как он умер — так мне ничего не помогает. Ни сна, ни жизни. И смерти тоже нет. *(Пауза.)* Ну, выпила?

Лири кивает.

ТЕУТА. И как?

ЛИРИ. Нормально. Жить буду.

ТЕУТА. Вот и хорошо. А теперь — рассказывай.

ЛИРИ. Нет, мама. Не в этот раз. Пожалуйста.

ТЕУТА. Я хочу услышать.

ЛИРИ. Ты это слышишь каждый год. Все десять лет. Ты все знаешь наизусть. Может, хватит уже?

ТЕУТА. Я сама решу, когда хватит. Рассказывай.

ЛИРИ. Зачем?!

ТЕУТА. Хочу убедиться, что и ты ничего не забыла.

ЛИРИ. Я не забыла, мама! Не забыла! Я все помню!

ТЕУТА. Тогда — рассказывай!

ЛИРИ *(после молчания)*. Ринор пошел убивать Петра Вукаи. Я пошла с ним.

ТЕУТА. Нет. Не так. С самого начала рассказывай.

ЛИРИ. Хорошо, мама. Дядя Кеки позвал к себе Ринора. Сказал, что убийца его деда вернулся в Тирану. Сказал, что записано в Кануне: «Кровь смывается только кровью». Что надо отомстить. Дал пистолет. Дал адрес.

ТЕУТА. Ринор сразу взял пистолет?

ЛИРИ. Да. Он не колебался.

ТЕУТА. Настоящий мужчина. Дальше.

ЛИРИ. Дядя Кеки сказал, что правильная джакмарья — дело непростое: убивать врага нужно всегда в лицо, чтобы, умирая, жертва знала, кто ее убивает и за что. Спросил Ринора, все ли он запомнил.

ТЕУТА. Он все запомнил, он смысленный мальчик.

ЛИРИ. Я сказала Ринору, что пойду с ним. Он ответил, что это джакмарья — не женское дело. Но я упростила взять меня с собой. Сказала, что если его убьют, то лучше я умру вместе с ним. «С чего вдруг?» — сказал он. Он всегда говорил «с чего вдруг», когда над кем-то смеялся.

ТЕУТА. Он не смеялся.

ЛИРИ. Хорошо, мама. Он не смеялся.

ТЕУТА. Что было дальше?

ЛИРИ. Утром мы собрались и поехали к дому старого Вукаи. Я взяла с собой нож.

ТЕУТА. Ринор знал об этом?

ЛИРИ. Нет. Он бы мне не разрешил. Мы приехали. Перелезли через забор. Старый Вукаи работал в саду. Он оказался очень старым. Я сразу поняла, что это он, хотя ни разу в жизни его не видела. Канун запрещает убивать кровника в его доме, но Вукаи был в саду. Сад — это не дом, сказала я. Да, сад не дом, согласился Ринор. До сих пор не понимаю, почему он со мной согласился. Почему я не остановила его? Сад не дом, но от этого в целом ничего не меняется. Ни от чего ничего не меняется. Мы сделали свой выбор. Ринор пошел вперед. Он поздоровался и спросил у старика его имя. Когда тот назвал себя, Ринор выстрелил. Он еще что-то сказал старику, но я не слышала, я стояла за деревом.

ТЕУТА. Ты спряталась.

ЛИРИ. Да, я спряталась. Мне было страшно. Старик Вукаи лежал на земле, а Ринор все говорил и говорил.

ТЕУТА. Что он говорил?

ЛИРИ. Я не знаю, мама! Не помню! В тот момент я думала только об одном. Как нам убежать оттуда!

ТЕУТА. И ты не видела мальчика?

ЛИРИ. Нет. Сперва я услышала выстрел. Обернулась. К нам бежал ребенок, маленький Вукаи, с ружьем в руках. Я обернулась в Ринору, чтобы предупредить, но Ринор уже лежал на земле рядом со стариком. Мальчик бежал к нам. К умирающему старику он бежал. Меня даже не заметил.

ТЕУТА. И что ты сделала, Лири?

Лири молчит.

ТЕУТА. Что ты сделала потом? Отвечай.

ЛИРИ (*тихо*). Я убила его.

ТЕУТА. Громче.

ЛИРИ. Я убила его. Убила восьмилетнего ребенка, правнука старика. Воткнула в него нож. Стояла и смотрела, как он умирает.

ТЕУТА. Ты убила последнего из Вукаи. И не думала в этот момент о брате.

ЛИРИ. Не думала. Я знала, что он тоже мертв. И мне стало все равно, что со мною будет.

ТЕУТА. И ты не видела, что старый Вукаи еще жив?

ЛИРИ. Нет.

ТЕУТА. И ты не видела, как он взял из руки Ринора пистолет? Не слышала выстрела?

ЛИРИ. Нет. Я смотрела, как умирал ребенок, которого я только что убила. Потом что-то ударило мне в спину. И всё закончилось.

Молчание.

ТЕУТА. Как-то в детстве отец взял нас сестрой в Поградец, где у него были дела. Личного транспорта при Эмине ни у кого не было, мы поехали поездом. Путь не близкий, часов восемь добираться. Может и больше. Отец хлебнул вина и заснул на лавке. А весна была, в горах красиво, все цветет. Мы все прилипли к окнам. Состав еле двигался, и из нашего вагона на ходу выпрыгнул молодой парень, солдат в галифе и майке и стал рвать без разбору цветы в огромный яркий букет. Помню, как мне тогда захотелось получить этот букет, наверное, и не мне одной — все женщины в вагоне молча, но восторженно наблюдали эту картину. Поразительно, как долго я помню это, никогда больше, пожалуй, в жизни я не испытывала такого страстного желания подарка. Но никаких прав на него у

меня не было. Даже надежды не было, что этот букет достанется мне. Кто я? Никто. Сутулый нескладный подросток. То ли дело сестра — Кекилия. Красавица. Глаз не отвести. Я очень ее любила. Но мучительно ей завидовала. Вот она, с ее огромными черными глазами была уже девушкой, ей бы и мечтать по праву о букете... Поезд стал описывать дугу и набирать ход. Все в вагоне забеспокоились, чтобы едущий домой солдат не отстал, заверещали. Он ловко вскочил на подножку, вошел из темного тамбура в вагон, где в окнах бесновались занавески, а все женщины одновременно повернули к нему напряженные лица. Кому? Кому?.. Он отдал эти цветы мне. Всё. Дальше ничего не помню. Видимо, счастье было в этот момент абсолютным. И вот ты знаешь, Лири, с того дня я больше никогда не завидовала сестре. И она об этом знала. А вот чего она не знает, так это как сильно я ее ненавижу. За то, что отправила моего сына на смерть. За то, что моя дочь получила пулю в спину и никогда больше не сможет ходить. Но когда-нибудь она об этом узнает. Обязательно узнает. Слышишь меня, Лири?!

Теута встает, идет к двери.

ЛИРИ. Дай мне таблеток, мама. Дай мне таблеток. Я хочу заснуть и ничего не помнить. Дай мне таблеток.

Теута достает пузырек с таблетками, бросает на кровать Лири.

ТЕУТА. Только все сразу не пей. *(Уходит.)*

Лири берет пузырек, долго смотрит на него.

За окном начинается гроза.

Темнота.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Внутренний двор дома дяди Кеки. Сюда выходят двери, ведущие на мужскую и женскую половины дома, а также окна всех комнат.

Повсюду развешены рогатые черепа со связками чеснока – обереги.

Здесь же, под навесом, устроена летняя кухня: установлена плита, столы, лавки. На лавках сидят Старуха и Эдона. Старуха кроит разложенную на столе ткань, Эдона шьет. Старуха что-то бормочет за работой. Постепенно слова ее становятся четкими, и уже можно разобрать, о чем она говорит.

СТАРУХА. Она молодая была, вроде и не гуляла. А потом смотрю, пузо у нее расти начало. Ну, думаю, так бог повелел. В прошлом-то году все мои кошки подошли. Было семеро, а осталась она одна. Вот я и порадовалась приплоду. Только это не котятки оказались, это вода у нее в брюхе копилась. Жизнь ее в ту воду уходила. К концу-то она совсем худая стала, шерсть вся повылезла. А я, дура старая, до самого конца болезнь ее не разглядела. Рано утром очухалась, а она хрипит, дергается у меня в ногах — отходит. Глажу я ее и думаю: «Когда ж моя-то очередь? Неужто сразу за ней?» Ну, встала потом, завернула ее в полотенце — похоронила. И всё. Никого не осталось. Всех бог забрал. Что такое бог. Бог — это смерть. Зачем бог, если нет смерти. И каждый имеет право на смерть. Правильно я говорю?

Эдона молчит, шьет.

СТАРУХА. Хорошо с тобой разговаривать, Эдона. Ты терпеливая. Слушаешь старуху. *(С трудом встает, разминает поясницу.)* Ну вот, рубашки малышу скроили, до заката управились. Завтра соберу всё да вышивать стану. А ты, я смотрю, пеленки подрубила? *(Смотрит, щупает.)* Чистая работа, Эдона. Стежок к стежку. «Если будешь экономить гвозди, потеряешь подкову». Так муж мой всегда говорил. Хотя наездник из него был никудышный. А ты своего мужа вспоминаешь когда? Нет?

Эдона молчит, шьет.

СТАРУХА. А я вот много чего вспоминаю. Иногда до утра ворочаюсь, свое молодое жите перебираю. *(Смеется.)* Старому-то с молодыми даже во сне не по пути — разное грезится. Так ведь? Ты еще молодая. И я была молодая. И Кеки. И Теута. И муж твой — Гуэзим. И отец их — Воксан Ракипи — тоже молодой был. Знала его. По соседству жили. Дружок у него был закадычный — Петр Вукаи. Они в армии вместе служили, там и сдружились крепко, а потом Петр неподалеку поселился. Кекилия родилась после того, как ее старший брат умер. Воксан снова хотел сына, поэтому дочь воспитывал как мальчишку. А потом Теута народилась, так у Кекилии совсем вольное жите началось, будто она и правда мужчиной росла. Каждый раз, когда мать пыталась надеть на дочку платье, Воксан грозил ей: "Держись подальше от моего сына". Строгий был. Только когда у них Гузим родился, Воксан наконец смягчился и признал в Кекилии девочку. Да не тут-то было. Сваренный кофе обратно зерном не сделаешь. Воксан с Петром Вукаи породниться решили и сговорили Кекилию за сына Петра — Албана. А она ни в какую. Наотрез отказалась идти за Албана, хотя парень был видный. Лучше, говорит, я клятву приму и бурнешей стану, чем замуж пойду. Воксан, хоть ему и стыдно было перед семьей Вукаи, возражать не стал, для него Кеки и так была сыном. Приняла Кекилия клятву целомудрия, обрезала волосы, штаны надела и стала мужчиной по закону. И знать ведь не знала, что Албан обиду затаил всю их семью за отказ. Года не прошло, как он пьяный толкнул отца Кеки на улице. Драка завязалась. Воксан сильнее оказался и убил парня. Камнем голову ему размозжил. Ему бы сразу бежать, а он остался. Понадеялся, что они с Петром по старой дружбе договорятся. Да и свидетели были, что Албан сам ту ссору затеял. Только Петр разговоров разговаривать не стал. Застрелил Воксана из ружья. *(Пауза.)* Так в семнадцать лет Кеки стала не просто «клятвенной девой», но и главой семьи. Теперь уж ей обратной дороги не стало. Надо было родню кормить. Мать, сестру, маленького брата. А с таким грузом на шее платье не наденешь. Петра посадили... При Энвере за кровную месть строго наказывали... А семья его сразу из Тираны уехала, куда-то на юг. *(Пауза.)* Вот к чему я тебе все это рассказываю? Сыплется из меня на старости, как из дырявого мешка.

Входит Теута, в одной руке у нее топор, в другой она держит обезглавленного петуха.

СТАРУХА. Отпелся, родимый. Тоже, поди, думал, что жизнь вечная, а оно вон как.

Теута швыряет петуха на стол, недалеко от ткани.

СТАРУХА. Теута! Ты в уме ли?! *(Берет со стола раскроенную ткань, испачканную кровью петуха.)*

ТЕУТА. Подумаешь, кровью капнуло. Надо в холодной воде застирать. *(Кладет топор.)*

СТАРУХА. Застираешь теперь, как же! Кровь в воду не превратишь. Кровь всегда свое возьмет. Пропала работа, заново надо начинать. *(Собирает выкройки, бормочет.)* Ой, плохая примета, плохая примета...

ТЕУТА. Что мне теперь, еще один козлиный череп здесь повесить? И без того как на кладбище живем. Не помогают этому дому никакие обереги.

Теута хватает петуха, яростно выщипывает из него перья.

СТАРУХА. Так кипятком сперва надо окатить.

ТЕУТА *(тихо.)* Как бы я тебя чем-нибудь не окатила. *(Бросает петуха.)* Да пропадите вы с этим петухом! Надоели! *(Идет к дверям.)*

Во двор выезжает Лири.

ЛИРИ *(Теуте.)* Розафа еще не вернулась?

Теута раздраженно машет рукой, скрывается в доме.

СТАРУХА *(Лири.)* Как эта штука называется? Забываю все время...

ЛИРИ. Какая штука?

СТАРУХА. Ну, которой Розафу просвечивать собрались.

ЛИРИ. «УЗИ», бабушка. Ультразвуковое исследование.

СТАРУХА. И чего, прямо вот видно мальчик будет или девочка?

ЛИРИ. Говорят, что видно.

СТАРУХА. Зачем только деньги тратить? В мое время по форме живота определяли.

ЛИРИ. А теперь все по науке.

СТАРУХА. Вот не доведет до добра эта ваша наука. Зачем спешить? — родится младенец, все и увидите. Не ожидала такого от Кеки. Не ожидала.

ЛИРИ. Никто не ожидал.

СТАРУХА. Пойду я, пожалуй. Ужина дожидаться не буду.

ЛИРИ. Оставайтесь, бабушка. Дядя Кеки Розафу привезет, и сразу за стол сядем.

СТАРУХА. Так чего оставаться? Мать твоя петуха заколола, а ощипывать не стала.

Бросила. Я домой дойти и поужинать успею, пока у вас суп поспеет. Да и сериал мой скоро начнется. Нет, пойду. Пойду.

Эдона помогает старухе встать, ведет ее к дверям.

СТАРУХА *(обернувшись)*. Матери скажи, что заново все кроить придется.

ЛИРИ. Скажу, бабушка. До свидания.

СТАРУХА. Храни тебя бог, милая.

Эдона уводит старуху. Открывается одно из окон на женской половине дома, во двор выглядывает Теута.

ТЕУТА. Ушла?

Лири не отвечает.

ТЕУТА. Весь мозг мне за день выклевала, ворона старая. Да провались оно, это приданое! Сама бы сшила, чем выслушивать всякое. Пеленки еще выдумали. Подгузниками в лавке торгуем, а для своего ребенка пеленки шьем. Кто их стирать будет?

ЛИРИ. Ну, точно не я.

ТЕУТА. Да это уж известно! Здесь две лошади — я да Эдона. Ездите на нас.

ЛИРИ. На вас поездишь. Ужин-то будет?

ТЕУТА. Да будет, никуда не денется. Прибери пока со стола. *(Скрывается в комнате.)*

Лири подъезжает к столу, собирает разложенную ткань. Замечает пятна крови, рассматривает на свет. Во двор выходит Теута.

ТЕУТА. Петуха пришлось зарубить, чтобы старуха поскорее убралась. А то бы на ужин еще осталась.

ЛИРИ. Пожалела тарелку супа?

ТЕУТА. Я себя пожалела. Нервы свои. *(Пауза.)* Как бы не растряс ее Кеки на своем драндулете. А то скинет еще.

ЛИРИ. Mam, а тебе-то зачем нужен этот ребенок?

ТЕУТА. А ты подсчитай. Арифметику ведь школе изучала?

ЛИРИ. Что считать-то?

ТЕУТА. Кеки шестьдесят пять. Я тоже не молодая. Вот умрет он — и куда мы денемся?

Кому дом достанется?

ЛИРИ. Не знаю.

ТЕУТА. Вот и я не знаю. Дома без мужчины не бывает. А кто у нас мужчина? Кто нас защитит? Полоумный Сали?

ЛИРИ. Дался тебе этот дом! Здесь же дышать невозможно! Давай уедем...

ТЕУТА. Куда ты ехать собралась, глупая?

ЛИРИ. Да куда угодно! Лишь бы подальше отсюда. Снимем квартиру. Только ты и я.

ТЕУТА. И на что мы жить будем?

ЛИРИ. Я работать пойду. Устроюсь в мастерскую. Буду чинить телевизоры, телефоны...

ТЕУТА. С ума сошла, девка! Кто доверит женщине чинить телевизор? Какой мужик?

ЛИРИ. Mam, ну сейчас другое время. Все изменилось...

ТЕУТА. Какое «другое»? Где? Миром правят мужчины. Так было и так будет. Ай, да что я распинаюсь, тебе про мужиков знать без надобности. *(Вскакивает.)* Приехали!

Во двор, опираясь на палку, входит дядя Кеки. За ним Эдона ведет беззвучно рыдающую Розафу.

ТЕУТА. Что? Что случилось?! Неужто ребеночка растрясли?

КЕКИ. Уведи ее в дом, Эдона. И запри хорошенько.

Эдона ведет Розафу на женскую половину.

ТЕУТА. Да что стряслось-то? Можешь объяснить?

КЕКИ *(Лири.)* Ты тоже — вон отсюда!

ЛИРИ. С чего вдруг?

КЕКИ *(замахиваясь палкой).* Вон пошла!

Лири едет в дом. Дядя Кеки тяжело садится на лавку, обхватывает голову руками.

КЕКИ. Господи, за что мне все это?!

ТЕУТА. Кеки, не пугай меня!

КЕКИ. За что?!

ТЕУТА. Ну что мне сделать для тебя, родной мой? Что?

КЕКИ. Отстань!

ТЕУТА. Тебе надо успокоиться...

КЕКИ. Отстань, говорю!

Теута подбегает к одному из окон (самому ближайшему к тому месту, где сидит Кеки), открывает ставни, заглядывает в комнату.

ТЕУТА. Лири, таблетки мне дай. И бутылку...ту самую... Давай, говорю!

Теута возвращается к Кеки, неся в руках пузырек с таблетками и недопитую бутылку Бурбона.

ТЕУТА (доставая несколько таблеток). Вот! Прими!

Кеки отталкивает ее руку, но Теуте все-таки удается положить таблетки ему в рот. Затем очередь доходит и до Бурбона. Дядя Кеки пьет из бутылки, кряхтит, морщится.

КЕКИ. Что это за гадость?

ТЕУТА. Это лекарство. Китайский самогон.

КЕКИ. Дура, отравить меня решила...

ТЕУТА. Так! Ну, хватит уже! Ты мужчина или кто? Рассказывай!

В этот момент из дверей женской половины с воем выбегает Эдона. Она бросается к ногам дяди Кеки, обхватывает руками его сапоги. И воеет, воеет, воеет...

КЕКИ. Рассказала уже...

ТЕУТА. Да что рассказала? Заткнись, Эдона! Заткнись, говорю! Или ударю тебя!

Эдона немного затихает, но все еще держится за ноги дяди Кеки. Он достает из кармана бумажник, а оттуда снимок УЗИ. Протягивает Теуте.

ТЕУТА (рассматривая снимок). Это чего такое?

КЕКИ. Это девочка. Девочка!

Эдона выхватывает снимок из руки Теуты, мычит, пытается что-то на нем рассмотреть. Теутя тяжело садится рядом с Кеки.

ТЕУТА. И что же нам делать?

КЕКИ. Не знаю.

ТЕУТА. Врешь, все ты знаешь. Иначе бы эта дура заполошная тут не выла.

КЕКИ. Ты как с братом разговариваешь?

ТЕУТА. Кеки, послушай... Никогда тебе этого не говорила...

КЕКИ. Ну?

ТЕУТА. Если в тебе осталось хоть что-то женское... Не делай этого... Не заставляй девочку... Она же сама еще ребенок ... Пожалей ты ее... *(Плачет.)*

КЕКИ. Женское?.. О женском вспомнила?.. А меня кто-то из вас жалел?.. Нету мне жизни с вами! Нету! Ненавижу вас! *(Рыдает.)* Украла мою жизнь и не хотят отдавать... *(Встает.)* Завтра же она аборт сделает! Слышите?! Завтра! Я мужчина! Мужчина! Нет во мне ничего женского! Врете! Завтра! Завтра же! Не будет этого ребенка!

Внезапно Эдона вскакивает, хватая со стола топор, который оставила Теута, замахивается на Кеки. Теута визжит от страха. Кеки палкой бьет Эдону в живот. Она роняет топор, оседает на землю. Кеки замахивается снова.

ТЕУТА. Нет! Хватит, Кеки! Убьешь ее — посадят! Мы с голоду сдохнем!

Кеки отбрасывает палку в сторону. Теута подхватывает Эдону, тащит ее в дом. Кеки, пошатываясь, идет к дверям на мужскую половину дома. Из дверей женской половины выезжает Лири.

ЛИРИ. Дядя!

КЕКИ. Чего тебе? *(Продолжает идти к дверям.)*

ЛИРИ. Дядя, подожди!

КЕКИ *(заплетающимся языком.)* Отстань...

ЛИРИ. Дядя, мы Сали не покормили. Дай мне ключ, я отвезу ему поесть.

Кеки останавливается возле дверей, опирается о стену, нашаривает на поясе ключ. Подает его Лири. Открывает дверь в дом.

ЛИРИ. Дядя, постой! Это не тот ключ!

Кеки останавливается, снимает с пояса другой ключ. Меняется с Лири ключами. Уходит к себе. Оставшись одна, Лири выезжает на середину двора.

На улице темнеет. Лири смотрит на небо, крепко сжав ключ в ладонях. В доме тихо. Лири подъезжает к одному из окон, достает из волос шпильку. Поковырившись в навесном замке, открывает ставни.

ЛИРИ *(в комнату)*. Быстро одевайся. Бери телефон. И вылезай во двор. Только тихо.

Лири снова выезжает на середину двора, оглядывается. Из окна вылезает Розафа, одетая в длинную ночную рубашку. Лири рукой подзывает ее к себе. Розафа подходит.

ЛИРИ *(протягивая ей ключ)*. Это ключ от сейфа.

РОЗАФА. Ты...

ЛИРИ. Тихо. Да, я его украла. Мать накормила Кеки своими таблетками, он сейчас уснет. Я бы поехала сама, но там ступенька, поэтому пойдешь одна. В сейфе твои документы, золото, деньги еще...

Розафа целует Лири.

РОЗАФА. Спасибо! Спасибо, тебе!

ЛИРИ (*отстраняясь*). Еще одно.

РОЗАФА. Что?

ЛИРИ. Там среди бумаг лежит мой паспорт. Его тоже возьми.

РОЗАФА. Зачем?

ЛИРИ. Розафа, он же убьет меня, когда узнает, что мы его обокрали. Я уйду с тобой.

РОЗАФА. Куда?

ЛИРИ. К Майклу твоему. В посольство.

РОЗАФА. Нет, подожди. Я не могу тебя взять. Как я объясню Майклу, кто ты такая?

ЛИРИ. Я твоя подруга. Я помогла тебе сбежать.

РОЗАФА. Подруга, да. Все верно, все правильно... Но что ты собираешься делать дальше?

ЛИРИ. Это нужно обсуждать прямо здесь и сейчас?

РОЗАФА. Нужно. Майл даже про мою беременность еще не знает.

ЛИРИ. Ты не сказала?

РОЗАФА. Просто... не успела. И вообще, почему я должна перед тобой отчитываться?

ЛИРИ. Ты совсем, что ли, дура?

РОЗАФА. Хватит уже дурой меня называть. Ты больно умная. Никуда я тебя с собой не возьму. Здесь оставайся.

ЛИРИ. Что?

РОЗАФА. Что слышала. Посмотри на себя, кому ты нужна в Америке? Уродка!

ЛИРИ (*не сразу*). Ты вообще понимаешь, что я сейчас могу закричать?

РОЗАФА. Ну и что. Кричи. Кричи, сколько влезет.

ЛИРИ. Все сюда прибегут. А у тебя в руках ключ от сейфа.

РОЗАФА. Кричи. Я всем скажу, что это ты меня заставила. Скажу, что ты меня заставляла много плохих вещей делать. Каждую ночь меня заставляла...

ЛИРИ. О чем ты говоришь?

РОЗАФА. Не понимаешь, да? Ну да откуда тебе! Ты же у нас девственница! Зато они поймут, о чем я говорю. Поймут, вот увидишь. И тогда тебе не поздоровится. Они отправляет тебя обратно в больницу для психов. Там тебе самое место, извращенка! А теперь кричи. Громко кричи. Ну? Чего замолчала?

ЛИРИ (*не сразу*). Я все поняла. Ты такая же, как и они. Я поняла. Вы все такие.

РОЗАФА. Закрой свой поганый рот. Или клянусь богом, я сама сейчас закричу.

Лири закрывает лицо руками. Розафа заходит на мужскую половину дома. С женской половины во двор выходит одетая в длинную ночную рубашку Теута. Она неслышно подходит к дочери, кладет руки ей на плечи. Лири вздрагивает.

ЛИРИ. Мама!

ТЕУТА. Тише, не кричи. Я все слышала. Пусть идет.

ЛИРИ. Мамочка!.. (*Плачет.*)

ТЕУТА. Пусть уходит.

Теута разворачивает коляску дочери, катит ее к дому.

В этот момент на мужской половине дома раздается выстрел. Теута бежит к дверям, скрывается на мужской половине.

ЛИРИ. Нет, нет, нет, нет... Только не это... Нет, нет, нет...

Из дома выходит Теута, подает Лири мобильный телефон Розафы.

ТЕУТА. Я не знаю, как эта штука работает. Набирай 129.

ЛИРИ. Полицию?

ТЕУТА. Скорая там не поможет. Он убил ее.

Трясущимися руками Лири пытается набрать нужный номер. Из дома выходит Кеки.

КЕКИ. Подожди, Лири.

ТЕУТА. Кеки, если не мы вызовем полицию, это сделают соседи. Будет еще хуже.

КЕКИ. Да куда хуже? Куда?!

ТЕУТА. Звони, Лири!

КЕКИ. Не надо. Когда сигнализацию в лавке устанавливали, к сейфу тоже проводок подвели. Так что они быстро приедут, а нам еще надо кое-что сделать. *(Теуте.)* Поддай воды. Говорить трудно. И голова раскалывается...

Теута идет к столу.

КЕКИ. Вот зачем она туда полезла? На что рассчитывала?

ЛИРИ *(тихо)*. Она не знала про сигнализацию.

Теута приносит кувшин с водой. Кеки жадно пьет.

КЕКИ. Теута, это все таблетки твои. Заканчивай их жрать, когда-нибудь они тебя убьют.

ТЕУТА. Хорошо, Кеки. Выброшу их.

КЕКИ. Лири, девочка моя. У нас очень мало времени. Поэтому отвечай мне правду. Ты ведь девственница?

ЛИРИ. Дядя, я...

КЕКИ. Отвечай! Это простой вопрос.

ЛИРИ. Да, дядя... Да!

КЕКИ. Это хорошо. Сейчас я попрошу тебя произнести одну клятву.

ТЕУТА. Икону принести?

КЕКИ. Нет времени, Теута. *(Снимает с шеи медальон.)* Здесь фотография Ринора, я всегда ношу ее с собой. Поклянись мне на портрете своего брата, что...

ЛИРИ *(кричит)*. Нееееееет!

КЕКИ. Теута, нужен нож, чтобы волосы ей обрезать.

Теута идет к столу.

ЛИРИ. Нет, дядя! Нет!

КЕКИ. Лири, детка! Сейчас приедет полиция. И меня заберут от вас.

ТЕУТА. Кеки, ты ни в чем не виноват! Девчонка хотела тебя ограбить. Ты не видел, в кого стреляешь.

КЕКИ. Сейчас не это важно. Самое важное в другом. Этой семье нужен мужчина.

Понимаешь, о чем я? Понимаешь, Лири?! Кто-то должен обо всех заботиться. Кто-то должен любить... У меня это плохо получалось, но ты... Ты сможешь...

ЛИРИ. Нет! Нет! Я не хочу!

Теута приносит нож.

ТЕУТА. Она согласна, Кеки. Я знаю свою девочку.

КЕКИ. Пусть сама скажет. Мне нужно услышать... Понять, что все было не напрасно...

ТЕУТА (*Лири*). Все будет хорошо! Я с тобой! Мы же семья... (*Обнимает дочь.*)

ЛИРИ. Мама, мама, мама... (*Плачет.*)

КЕКИ. Возьми медальон в руку. (*Кладет медальон в руку Лири.*) Повторяй за мной.

Клянусь...

Где-то в доме воет Эдона.

КЕКИ. Повторяй за мной! Клянусь!..

ЛИРИ. Я клянусь... Клянусь! Клянусь!

Темнота.

Конец.